
ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ИСПАНСКОГО ЯЗЫКА

Н.Ф. Михеева

Кафедра иностранных языков
Филологический факультет
Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Макляя, 6, Москва, Россия, 117198

Испанский язык Испании и Латинской Америки... Каков он? Это — один язык, существующий в своих разновидностях, или разные языки? Каковы перспективы развития испанского языка в мире? Эти и многие другие вопросы находят свое разрешение в нашей статье.

Ключевые слова: стандарт, норма, национальные варианты, коммуникативная эффективность, лингвистическая правильность.

Америка и Испания «поддерживают» один и тот же язык и используют его в различных вариантах, насколько это позволяет сама система.

Известно, что существует «неправильное представление» об «американском испанском», с одной стороны, а с другой — традиция в изучении испанского языка, предполагающая наличие в испанском языке разных систем.

Лингвистическая реальность Нового Света «развивает» идею отсутствия единства, в то же время она провозглашает автохтонную эволюцию и разнообразие островных особенностей. Существует «стандартизированное разнообразие», вызванное урбанизацией и СМИ, и региональные разновидности, прежде всего на уровне фонетики и лексики, меньше — грамматики и фонологии. В этой ситуации планирование как феномен, который требует разработки и «выбора» нормы, предстает как сложная проблема, ибо не только укрепляет пуризм, но также способствует расширению границ, имеющихся в данный исторический период.

В этом смысле следует признать, что история «создала» стандарт как структурный вариант, и другой, функциональный и дескриптивный, разговорный вариант. Стандарт представляет собой результат лингвистической нормализации и выступает в качестве связующего звена между идиоматическим единством, всегда связанным с письменностью, и более формальными регистрами. Этот стандартный язык «навязывается» другим лингвистическим разновидностям по причине престижа (на уровне государства), коллективного выбора и массового употребления. Тем не менее, в многовариантной системе, которой является испанский язык, наблюдается дисбаланс относительно каждого фактора, «участвующего» в выработке нормы. Таким образом, разработка нормы любого языка происходит при «суммировании» критериев превосходства.

Концепт «норма», по мнению Э. Косериу, это — традиционная реализация системы в определенном обществе, т.е. норма базируется на статистических данных.

Как правило, принятая норма совпадает с нормой разговорной речи, распространенной в столице.

Парадигматическим случаем этого критерия выступает французский язык, в котором норма и ее варианты «зависят» от особенностей разговорной речи жителей Парижа.

Социологический фактор «привязывает» норму к форме речи определенного страта и принимает различные модальности на протяжении истории этого общества.

Литературный, или эстетический, критерий ориентируется на особенности художественного стиля того или иного великого писателя, независимо от его географического или социального происхождения. Ярким примером использования данного критерия выступает итальянский язык, который Данте, Петрарка и др. всемирно известные писатели возвели в ранг «языка всеобщей культуры» на всем Аппенинском полуострове.

Согласно академическому критерию, норма должна разрабатываться академией.

Политический критерий делает норму зависимой от решений правительства страны.

Наконец, религиозный критерий «навязывает» зависимость нормы от событий, связанных с господствующей религией в одной или нескольких странах. Так, нормативный арабский базируется на Коране, священном писании, несмотря на диалектную вариативность в арабских странах.

В целом, язык всегда выступает за норму, базирующуюся на двух основных принципах: коммуникативной эффективности и лингвистической правильности. Проблема заключается в принятии второго принципа, ведь нет абсолютно чистых и правильных форм в одном языке, которые бы не существовали ранее, пусть в несколько других видах. Любая форма, принятая в том или ином регионе, отличная от других, имеет свои собственные нормы. Самое главное заключается в следующем: если одни «особые» языковые формы приняты в качестве общей нормы, то это не должно происходить в ущерб другим формам по причинам культурного, политического или социального характера.

Когда М. Альвар (1983) определял норму как «сгусток» языковых единиц, воспринимаемых как правильные лингвистическим сообществом или как «правильность», демографически достигнутая и принятая, он отделял концепт нормы кодифицированного литературного языка или стандарта от местных норм, распространенных среди малочисленных групп, и ввел коррелят «правильности», т.к. если норма — это модель, которую необходимо принять как достаточно гомогенную реальность, чтобы создать чувство единства или, если она обязательна, то она совпадет с критерием «правильности». Тем не менее, по его мнению, норма консолидируется не авторитетом писателей или грамматистов, а необходимостью в общении, общественной «важностью» [1].

Если индивидуумы должны понимать друг друга, они должны будут принять единую гомогенную и обязательную форму, которая и будет представлять из себя норму и, таким образом, «правильность». Она будет коррелировать с различными моментами в области закрепления нормы и основополагаться на многочисленных факторах, которые будут способствовать ее кодификации. В любом случае ре-

шение зафиксировать критерий «правильности» зиждется не только на одном, а на целой серии факторов.

Принятие нормы (стандарта) часто вступает в противоречие с националистическими чувствами, иногда «подогреваемыми» другими, лингвистическими целями. Когда чисто с политических позиций (в угоду тем или иным силам) отстаивается и прививается в качестве правильной только своя форма речи. Это явление не имеет простых решений и ставит проблемы как в области лингвистического планирования, так и разработки лексикографических источников нормативного характера. Защита «определенного использования» языка должна базироваться на критерии коммуникативной направленности, но не предавая забвению историю и традиции использования того или иного языка.

Результатом разгула националистических чувств была «позиция разделения», которую отстаивали некоторые аргентинцы и чилийцы. Так, аргентинец Доминго Ф. Сармиенто выступал за признание собственных аргентинских норм орфографии. Подобные настроения наблюдались и в Чили.

Напротив, как мы помним, пуристское направление в разработке нормы, базирующееся на престиже и «всеобщем» распространении истории и культуры, было представлено «Грамматикой» А. Бельо и лексикографическими трудами Р. Хосе Куэрво, который, несмотря на свой критерий нормативности, предлагал основу для анализа языка в широком смысле, прежде всего относительно создания словарей американизмов.

М. Фонтанелла де Вайнберг говорит о языковых контактах в Буэнос-Айресе в начале XX в. и защищает существование отличной от пиренейской аргентинской нормы, особенно в речи эмигрантов, которые практически все используют *vos* взамен традиционной *tú*.

Сосуществование приводит к билингвизму, а отсюда возникает взаимопроникновение языков и их адаптация к лингвистическим формам другого языка, с различной степенью диглоссии. Таким образом, процесс обучения языку и кодификации нормы требуют длительного изучения реальных ситуаций, в которых находится каждая языковая общность.

При этом Х. Монтес Хиральдо подчеркивал, что необходимо различать концепты «политика идиоматическая и политика лингвистическая», подразумевая, что первая всегда относится к аспектам внешней лингвистики, а именно: феноменам, которые «трактуют» социоисторические явления, а не структурные особенности того или иного языка. А вторая изучает как раз их внутриязыковые реалии. Подчеркнем, что процесс обучения испанскому языку и выработка критериев для «стандартной» нормы требуют постоянного анализа реальных языковых ситуаций, в которых находится каждая общность носителей этого языка, особенно билингвальная. К ситуации сосуществования с туземными языками добавляется так называемый «широкий билингвизм», когда индивиды признают и владеют несколькими нормами одного и того же языка, правда, в неодинаковой степени [3. Р. 91].

Многие из этих ситуаций имеют историческую подоплеку, как, к примеру, ситуация с разными аргентинскими нормами. Первая волна колонизаторов пришла сюда во главе с андалузцем Педро де Мендозой; вторая колонизация страны

началась в Асунсьоне в 1541 г. креолами и метисами, потомками первых испанцев, которые возводили города на побережье; третья волна «пришла» из Перу в Сантьяго дель Эстеро, основанный в 1553 г., и в Сан Мигеле де Тукуман, воздвигнутый в 1565 г., с населением из северных регионов Перу и района Риохи.

Однако, несмотря на то, что испанский язык Аргентины, как мы видим, не проявляет единообразия, различая особенности разговорной речи северянина и жителя центральной части страны, а также носителя гуарани и жителя Сан Мигеля де Тукуман на северо-западе, следует признать, что «доминантная» норма, за исключением района Анд, совпадает с основными чертами «атлантической разновидности» испанского языка (*yeísmo*, *seseo*, нейтрализация /r/, аспирация взрывной — s и т.д.).

Ситуация «реального билингвизма» в Парагвае, с официальным признанием гуарани и даже *хопара́* — смешения кодов испанского языка и гуарани — потребовала от официальных лиц, ответственных за осуществление билингвального образования, предложений и методов реализации.

Так, в 1983 г., на начальном образовательном уровне, стартовала Программа переходного билингвального образования, целью которой было «испанизировать» туземное население. В результате участились случаи массового ухода школьников из аудиторий, что привело к провалу данной программы.

В 1991 г. начинается новая инициатива со стороны Национальной комиссии по билингвизму. Их реформа конкретизируется в Плане поддержки билингвального образования, который «отталкивается» от уважения родного языка как инструмента для получения образования, наравне со значимостью и использованием второго языка, будь это испанский или туземный.

М. Альвар предупреждал, что, наравне с «правильным» употреблением испанского языка со стороны тех лиц, которые плохо владеют гуарани, в ситуации истинного билингвизма возникают диглосные ситуации среди людей, чей испанский оставляет желать лучшего по причине вышеназванной малоэффективной образовательной политики или неадекватной постановки того или иного вопроса.

В этом контексте реальность представляет собой вызов для лингвистической политики страны, где собственный процесс урбанизации, с большим количеством иммигрантов в приграничных зонах Бразилии, Аргентины и Уругвая — «провоцирует» новый контакт языков: португальского, испанского и гуарани. В Уругвае также следует иметь в виду тот факт, что Монтевидео, место, где проживает больше половины населения страны, достаточно широко представлена речь побережья и где, начиная уже с XVIII в., появляются выходцы с Канарских островов и Галиции.

Возникновение двух больших вицецарств в Мексике и в Перу привело к тому, что названные зоны оказались под влиянием лингвистического господства нормы метрополии, не теряя при этом туземного влияния.

Гватемала, будучи военным губернаторством, потеряв свое колониальное господство, «упростила» свою разговорную речь. Именно этим объясняется ее архаичное отклонение от стандарта.

Норма боливийского варианта испанского языка в значительной степени базируется на историческом билингвизме страны. Коста-Рика была колонизирована в основном выходцами из северных регионов Испании.

На побережье Антильских островов сначала высадились андалузцы, а в XVIII в. — жители Канарских островов.

Отрицание существования американизмов (панамериканизмов) вызывало критику у таких испанистов, как Х. Монтес Хиральдо [4], Г.Л. Гитарт [2] и Х.Л. Риварола [5]. Они ссылаются на то, что существование «американского испанского», со своими собственными характеристиками уже не воспринимается как отклонение от нормы, а является частью лингвистики.

Именно на таких позициях находится Испанская королевская академия, которая признает единство испанского языка. Возможно, следует подумать о существовании идеальной паниспанской нормы и выработать единые во всех испаноязычных странах принципы его преподавания.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Alvar M.* La lengua como libertad y otros estudios. — Madrid: Ediciones Cultura Hispánica, 1983.
- [2] *Guitarte G.L.* Del español de España al español de veinte naciones: la integración de América al concepto de lengua española. — Salamanca: Junta de Castilla y León, 1991.
- [3] *Lope Blanch J.M.* La lenta propagación de la lengua española por América // Estudios de historia de la lengua española en América y España. — Valencia: Milagros Aleza Izquierdo, 1999. — P. 89—102.
- [4] *Montes Giraldo J.J.* Lingüística idiomática y español de América // Revista de Filología Española. — Madrid, 1992. — T. LXXII. — P. 337—344.
- [5] *Rivarola J.L.* El español de América en su historia. — Valladolid: Universidad de Valladolid, 2001.

PERSPECTIVES OF THE DEVELOPMENT OF SPANISH

N.F. Mikheeva

Department of Foreign Languages
Faculty of Philology
Peoples' Friendship University of Russia
Mikluho-Maklaya str., 6, Moscow, Russia, 117198

Spanish as Castellano spoken in Spain or Spanish spoken in Latin America... What can we say about this language? Do we really mean the language and its variety or do we speak about different languages? Are there perspectives of the development of Spanish and what are they? The article considers these and many other issues.

Key words: standard, norm, national variety, communicative efficiency, linguistic correctness.